

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки

**ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РАН**

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА**

**ИНСТИТУТ СТРАН
АЗИИ И АФРИКИ**

**ПИСАТЕЛИ ВОСТОКА –
ЛАУРЕАТЫ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ**

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

С. А. Торопцев

МО ЯНЬ

МОСКВА • 2013

ББК 83.35

УДК 82.09

ПЗ4

Автор проекта, составитель и ответственный редактор
С. Н. Утургаури

ПЗ4 Писатели Востока – лауреаты Нобелевской премии. Приложение 1. – М.:
Институт востоковедения РАН, 2013. — 20 с.

ISBN 978-5-89282-557-3

Очерк о Мо Яне – китайском писателе, лауреате Нобелевской премии в области литературы (2012 г.) не вошел в сборник «Писатели Востока – лауреаты Нобелевской премии», поскольку весть о присуждении писателю этой награды пришла уже после передачи книги в печать. В связи с этим очерк издан в виде брошюры – приложения к сборнику.

Очерк написан доктором исторических наук С. А. Горощевым – известным китаистом, специализирующимся на исследовании литературы и кино современного Китая.

В конце очерка приведена нобелевская лекция Мо Яня.

УДК 82.09

ББК 83.35

ISBN 978-5-89282-557-3

© Институт востоковедения РАН, 2013

МО ЯНЬ

Китай

Премия 2012 года

за «... галлюцинаторный реализм, который объединяет народные сказки с историей и современностью...»

В первые имя Мо Яня я услышал четверть века назад. Студенческая тусовка (а я в то время был на стажировке в Пекинском институте кинематографии) бурно обсуждала набирающую силу новую прозу, которая стремилась освободиться от диктата идеологии и политики. Со сдержанным пиететом упоминали Ван Мэна, уже обретшего статус лидера, но больше похваливали молодёжь: Те Нин – за живой, хотя ещё не перешагнувший рамок реалистической описательности язык, совсем юных Ван Шо, А Чэна, Лю Сола, обогащающих прозу чувственным восприятием мира.

В этом ряду назывался и Мо Янь – ещё недавно скромный военный литератор, не претендовавший на особую оригинальность. Его повесть «Семья красного гаоляна», без ложной изысканности и ослепительных колористических мазков изобразившая «естественного человека» на суровом полотне деревенской глубинки, притягивала к себе внимание культурного сообщества. Но высокая оценка повести пришла с другой стороны: известный кинооператор и начинающий режиссёр Чжан Имоу выбрал её для своего постановочного дебюта «Красный гаолян». Став лауреатом Берлинского кинофестиваля, фильм получил известность во всём мире (а вслед за этим и в стране).

В своих интервью режиссёр неизменно подчёркивал добротную литературную основу фильма: «Меня потряс её витальный порыв, этот буйный импульс бескрайнего гаоляна, эта огнеподобная

страсть на гаоляновом поле... Этот фильм отразил мои размышления о жизни и об искусстве кино, открыл мои чувства и образ мысли... Мо Янь создаёт некий особый мир, подобно Маркесу... Это свободное раскрытие жизненных сил, безумная жизненная позиция, это ничем не сдерживаемое бытие окрашено в цвета идеала и редко встречается у китайцев, даже у современных». Повесть Мо Яня вошла в представительный список «Лучшее в китайской литературе XX века», заняв достойное место рядом с произведениями Цань Сюэ, А Чэна, Ван Аньи, Юй Хуа, Су Туна, стихами Бэй Дао, Хай-цзы, пьесами Гао Синцзяня.

Мо Янь – это псевдоним, в российской прессе его переводят как «Молчи». Сразу вспоминается Тютчев: «Молчи, скрывайся и таи / И чувства, и мечты свои». Не из русского поэта, конечно, китайский писатель взял свой псевдоним, он имел в виду самого себя. Он не кем-то повелевает, а себе закрывает рот, чтобы не сказать лишнего. Тем не менее цензура нашла для себя работу. В начале 1990-х, когда в Китае после расстрела студентов на площади Тяньаньмэнь накалилась политическая ситуация, был запрещён его роман «Страна вина». Слишком-де откровенно писатель говорит о коррупции и пьянстве в провинции, о чревоугодии и пристрастии к алкоголю, чересчур остро критикует порядки в современном Китае.

Именно с этим произведением в конце 2012 года познакомился наконец российский читатель. Роман весьма удачно – к присуждению премии – вышел в издательстве «Амфора» (Санкт-Петербург). В нём выведен человек, который запутался в сложностях бытия; в глубинах его психологии таится мифологический пласт. Сам Мо Янь, осмелев после Стокгольма, сообщил журналистам, что своим псевдонимом хотел «напомнить себе, что надо придерживать язычок и прятать свою идентичность, пока он пишет, служа в армии», Но суть, конечно, не в армии, а в общем настрое страны.

В недавнем интервью английскому литературному журналу «Гранта» Мо Янь даже воздал хвалу цензуре, признавшись, что несвободные условия, в которых ему приходилось творить, считает весьма плодотворными. Цензура, сказал писатель, стала одной из причин его обращения к миру фантастического, ставшего ис-

точником его вдохновения. Сам писатель главным героем «Страны вина» сделал некоего «писателя Мо Яня», отделив его от себя, и откровенно признался, что собственные слова передал «другому Мо Яню»: «Я вроде рака-отшельника, а Мо Янь – раковина, которую я занимаю». Но о чём же думает этот «рак-отшельник», нам пока неизвестно,

Родившийся 17 февраля 1955 года (существуют и другие версии) в уезде Гаоми провинции Шаньдун в семье богатых крестьян, он получил имя Гуань Мое. Его тоже можно наполнить смыслом: примерно – «Планирующий карму». И его путь по жизни показывает, что барьеры, коих было немало, он преодолевал волевым усилием и в самом деле сам выстраивал свою карму, увенчанную «Нобелем». В интервью, данном после получения Нобелевской премии, Мо Янь разоткровенничался, признавшись, что стал писателем, чтобы изменить судьбу, поначалу не слишком благоволившую к вечно голодному мальчику-пастушку, мечтавшему о миске пельменей.

Первым барьером стало происхождение. Конечно, быть деревенским жителем в КНР значило немало, у крестьян же «руки в навозе», как выразился Мао Цзэдун, идеологически противопоставив их белоручкам-интеллигентам. Но семья-то была «богатой», и это вызывало недоверие, преодолевающее чистоту навоза. Так что во время культурной революции юный Гуань Мое попал под идеологический пресс, был вынужден бросить школу и много лет «перевоспитываться» на сельских полях. Видимо, он делал это достаточно успешно, осознав, каким должен быть «винтик» отлаженной и управляемой машины.

В 1976 году ему удалось поступить на службу в Народно-освободительную армию Китая (НОАК), которая во все времена оставалась одной из наиболее элитарных частей социальной структуры. Как это могло произойти? Культурная революция ещё не завершилась, и бдительные хунвэйбины, хотя уже и подраставшие свою грозную силу, ещё не сошли со сцены. Видимо, это счастливая карма привела его в службу безопасности, что позволило стать политруком и дослужиться до должности командира отделения. При его-то сомнительном происхождении это можно

посчитать чудом. Или программой, априори записанной на «божественной матрице».

К писательскому ремеслу Мо Янь подошёл с крестьянской основательностью. За перо он взялся ещё в армии, отразив в первых рассказах («Ливень весенней ночью», «Солдат» и др.) и армейский быт, и своё деревенское прошлое. Публиковать их начал с 1981 года в Хэбэйском двухнедельнике «Лянь чи» («Лотосовый пруд»), издававшемся в городе Баодин. Кстати, из этого же города начала свой творческий путь Те Нин, нынешний председатель Союза писателей Китая, чьим заместителем Мо Янь стал в 2011 году.

Затем он учился сначала в Институте искусств НОАК, затем в аспирантуре Пекинского педагогического университета и в 1991 году получил степень магистра в области литературы и искусства. Ну, мало ли магистров в многомиллионной стране? А он вскоре стал почётным доктором литературы Открытого университета Гонконга (2005), приглашённым профессором Университета науки и технологий в Циндао (2011). В общем, человек был солидный и уважаемый.

Китайские литературоведы относят творчество Мо Яня к направлению сюньгэнь вэньсюэ («поиск корней»), достаточно популярному в 1980-е годы. Приверженцы этой школы, идеологически близкие нашим «деревенщикам», видят в крестьянстве оплот традиций и фундамент социальной стабильности.

Мо Янь выдал на-гора из своей «раковины» 11 романов и несколько десятков повестей и рассказов. Среди них «Большая грудь, широкий зад» (имеются в виду старые каменные изваяния, с которыми связаны легенды о верных жёнах, дожидających ушедших в военный поход мужей), «Сандаловая казнь», «41 орудие». Любимое произведение Мо Яня «Утомлённый кармой» написано в духе Ляо Чжая, жившего в XVII веке недалеко от родной деревни писателя, автора странных историй о лисах-чаровницах, где сходятся воедино разные времена и пространства. У Мо Яня же душа казнённого на заре народной власти богатого землевладельца попадает в ад, а затем благодаря колесу реинкарнаций возвращается на землю. Сначала в виде животных – осла, собаки, свиньи, обезьяны, а затем – человека. Через впечатления различных живых существ рассказывается новейшая история китайской

деревни со всеми её перипетиями в виде большого скачка, массовой коллективизации и культурной революции. Трудное перемещение весьма утомляет (на сегодняшнем жаргоне в этом слове слышится политический подтекст) душу бедняги. «Страна вина» – уже утверждённое переводом и публикацией название, но не лучше ли звучало бы «Винный край»? Эти два иероглифа – цзюго – старое выражение, часто встречавшееся в классической поэзии именно в значении «винный край» или, если вспомнить древнюю топонимическую лексику, «винный удел».

Действие почти всех романов Мо Яня происходит в его родном уезде Гаомин провинции Шаньдун. Чем не Фолкнер с его вымышленным округом Йокнапатофа? Поэтому Мо Яня иногда и называют «китайским Фолкнером». Глиняные фигурки, бумажные вырезки, лубочные картинки из детства врезались в память писателя и, как он сам формулирует, определили его литературный стиль.

Ещё его именуют «китайским Маркесом», потому что он отличный рассказчик, и у него очень гармонично переплетаются реальность и условность, быт и традиция с её мифологией и магией. Он также и «китайский Кафка», хотя его проза не окутана флёром абсурдной загадочности.

Произведения Мо Яня читают уже на более чем десяти языках, включая английский, французский, немецкий. Нобелевский лауреат Кэндзабуро Оэ заявлял, что, если бы представилась возможность, то именно Мо Яню он вручил бы «Нобеля». Лестно отзывался о китайском коллеге Джон Апдайк. На русский Мо Янь до последнего времени переводился мало, лишь один небольшой рассказ был опубликован в сборнике, другой прозвучал в передаче пекинского радио на русском языке.

Творчество писателя отмечено множеством китайских и международных наград разного уровня, начиная с престижной премии имени Мао Дуня. В 1997 году роман «Большая грудь, широкий зад» был удостоен премии журнала «Дацзя» («Мастер»), что принесло автору 100 тысяч юаней. В 2006 году он вошёл в Список двадцати самых богатых китайских писателей с общей суммой 3,45 миллиона юаней премий и гонораров.

Не исключено, что после получения Нобелевской премии и в связи с возросшими тиражами своих книг вскоре он возглавит эту двадцатку. Ведь после сенсационного сообщения о присуждении ему Нобелевской премии все его произведения были буквально сметены с магазинных полок.

Мо Янь отнюдь не принадлежит к числу самых популярных современных авторов, даже если говорить только о серьёзной (или, как говорят в Китае, чистой) литературе. И подавляющее большинство из тех, кто в интернете или на страницах прессы хвалит Мо Яня, считает награду заслугой не столько писателя, сколько китайской литературы в целом, видит в ней один из символов стремительно развивающегося в глобальном масштабе Китая и даже «успех Компартии».

При всех несомненных литературных достоинствах произведения Мо Яня рассказывают о вещах, далёких от интересов массового читателя: о деревенской жизни, о китайской новейшей истории до и после 1949 года. Всё это сдобрено соусом фантасмагории, отсылками к фольклору и не является лёгким чтивом. Нельзя не заметить, насколько индивидуальна творческая манера Мо Яня; как заметил глава Шведской академии Петер Энглунд в интервью Шведскому телевидению, «достаточно прочитать полстраницы, как узнаёшь Мо Яня».

Но есть и другие мнения. Известная американская писательница Сьюзан Зонтаг сказала, что в Китае есть лишь один писатель, достойный Нобелевской премии, – Цань Сюэ (к сожалению, русский читатель знает лишь несколько её рассказов в сборниках и журналах, в том числе «Иностранной литературе»).

Оценка Нобелевским комитетом Мо Яня, который в «галлюцинаторном реализме соединяет сказки, историю и современность», вызвала удивление и недоумение людей, знакомых с литературоведческой терминологией, но кое-кто даже присвоил писателю звание «отца галлюцинаторного реализма». В пресс-релизе Комитета буквально сказано: *The Nobel Prize in Literature 2012 was awarded to Mo Yan «who with hallucinatory realism merges folk tales, history and the contemporary»*. По-китайски *hallucinatory realism* звучит понятнее: «магический реализм». Кстати русская «Википе-

дия» заменила «галлюцинаторный» на тактичное и толерантное «умопомрачительный».

В «Твиттере» Нобелевский комитет советует читателям обратить особое внимание на роман «Чесночные баллады» (точнее «Песнь о райском чесноке»). Это реальная история о крестьянах, получивших от местных властей заказ на чеснок, вырастивших его, удачно сбывших и разбогатевших. Роман был написан в 1988 году, но издан лишь в 2005-м, тираж полностью разошёлся.

В Нобелевской речи Мо Янь сказал: «Мои произведения – это китайская литература, но это и часть мировой литературы. В них изображена жизнь китайского народа, китайская специфика его культуры и нравов. В то же время моя проза – в широком смысле – описывает человека. Можно прямо сказать, что она стоит на точке зрения человека и показывает человека, и поэтому, я думаю, она не локальна, свободна от расовых и клановых ограничений».

Я бы, правда, заметил, что обилие диалектизмов, особенно в ранней прозе, сильно затрудняет чтение произведений Мо Яня даже в Китае, где разнообразие диалектов таково, что лингвисты дискутируют, не есть ли это самостоятельные языки. Что уж говорить о мучениях иностранных переводчиков!

Мо Янь – не первый китайский нобелиат, но его высокую награду впервые не сопровождал скандал. В 2000 году Нобелевский комитет присудил премию по литературе Гао Синцзяню за «произведения вселенского значения, отмеченные горечью за положение человека в современном мире, которые открывают новые пути перед китайской прозой и драматургией», однако в Китае это событие не стало праздником. Гао Синцзянь в 1980-е годы начинал как «нетипичный» драматург, тяготеющий к абсурдизму. Его «Автобусная остановка», напоминавшая «В ожидании Годо» Сэмюэла Беккета, шокировала непривычной неопределённостью произносимых со сцены слов, отсутствием чётко сформулированной идеологии. Это, конечно, не было похоже на «народного писателя Мо Яня» и отдавало сомнительным западничеством. В то время даже ещё не было молодёжи, способной впитать новую эстетическую ментальность. А «наверху» пьесу осудили как «идеологически вредную», другую же пьесу запретили, а после трагических собы-

тий 1989 года всё творчество Гао Синцзяня квалифицировали как «контрреволюционную пропаганду».

В итоге писатель эмигрировал на Запад. Я был в Китае как раз в тот период, когда ему присудили Нобелевскую премию. Конечно, это уже не походило на советский 1958 год с письмами возмущённых граждан, не читавших, но дружно осуждавших роман «Доктор Живаго». Однако в книжных магазинах Пекина не только не было произведений Гао Синцзяня, но даже и компьютер продавца не откликался на его имя, а люди в ответ на мой вопрос недоумённо спрашивали, – «А кто это?». В современной китайской интернет-энциклопедии «Байкэ байдун» статья о Гао Синцзяне уже есть, хотя его знаменитая «Волшебная гора» издана на родном языке только на Тайване.

«Великая китайская стена стоит незыблемо, как и все два тысячелетия. Но охранительных функций она уже не несёт, – справедливо заметил в свое время писатель Ван Мэн, – живой остаётся лишь та культура, которая способна впитывать в себя мир, обмениваться с миром, преодолевая даже возникающие с мировой культурой конфликтные моменты. Замкнутая культура, конечно, самобытна, но в конце концов очутится лишь в музее». Нечто схожее постулировал Лю Сяобо, китайский Нобелевский лауреат 2010 года в номинации «Премия мира».

Вспоминаю 15 мая 1988 года. Моя годичная стажировка в Пекине завершалась, не предвещая больше ничего примечательного, как вдруг осторожный стук в дверь общежитской комнаты стал сигналом самой Истории. В комнате появился молодой (не дашь тогдашних 33 лет) человек в выцветшем джинсовом костюме, с длинными волосами, небрежно разбросанными по плечам. Он вошёл к иностранцу без робости, тогда ещё привычной для основной массы китайцев, хотя диоптрии его небольших очков усиливали настороженность взгляда, в котором отсутствовал даже намёк на улыбку. Позже, почувствовав в ходе разговора, что я не собираюсь критиковать его взгляды, отличающиеся от взглядов большинства соотечественников, он оттаял. Но улыбался не собеседнику, а себе, своим мыслям, безостановочно кипевшим в его мозгу.

Отправленный в служебную командировку в США и Норвегию, он прервал её и вернулся на бушующую площадь Тянь-аньмэнь в 1989 году, чтобы уговорить студентов покинуть площадь, избежав возможного насилия.

Через 12 лет он вспоминал в своём стихотворении, опубликованном в гонконгском журнале «Open Magazine»: Дюжину лет тому / я попал в водоворот / этой площади / и подумал о своей обгоревшей жизни. / Через двенадцать лет / я снова здесь, / и нет никого, / кто загасил бы пламя веры / среди этих снегов / ... / ваши души пылают, / это огонь раскалённый, а не снег ледяной.

После этого наступил новый этап его деятельности. Вокруг Лю Сяобо сплотились сторонники, в 2003 году он возглавил китайский ПЕН-центр, в 2008 году составил «Хартию-08» с требованием демократических реформ, которая была квалифицирована как «подстрекательство к подрыву государственного строя». По некоторым данным, в конце того же года Лю Сяобо был арестован и в декабре 2009 приговорён к 11 годам тюремного заключения. На Нобелевскую премию мира его в 2010 году выдвинули Вацлав Гавел и Далай-лама XIV.

Лю Сяобо ощущает свою миссию и открыто демонстрирует готовность исполнить её. В 1980-е годы он был одинок (впрочем, по своей ментальной структуре он вообще принадлежит к героям-одиночкам), ещё не подросли сторонники с новым мышлением, готовые поддержать его. И он один на один вышел на противостояние (именно противостояние, а не борьбу) с государством как социальным институтом, не способным обеспечить свободное развитие человека.

Тогда, в мае 1988 года, Лю Сяобо утверждал, что традиции, особенно в культуре, – это путы, сковывающие личность. Они ведут страну по кругу, а необходимо развитие по спирали, чтобы из этого круга вырваться. Я напомнил ему рассказ Брэдбери о машине счастья, которая трансформировала людей в совершенно одинаковые шайбы и методично раскладывала по идеально ровному полю. Он ничего не сказал в ответ, лишь потаённо улыбнулся, словно такой образ соответствовал его представлениям о современном социальном (возможно, в то время в его лексиконе даже ещё не было термина «тоталитарный») государстве.

Он был философ и филолог, и мы говорили о китайской литературе. Теория Чжу Дакэ о многовековой всеильности родового мышления в Китае в целом импонировала Лю Сяобо, ведь кинорежиссёр Се Цзинь, которого тогда официально поднимали на щит, «создаёт не искусство, а политику», «играет в политику». Ван Мэн – добротный мастерской, и его объяснение жизненных проблем во многом точнее, чем у прочих. Единственный настоящий писатель в Китае, по мнению Лю Сяобо, – Цань Сюэ, изображающая свободного от материальной и социальной зависимости человека.

Традиционная китайская ментальность замыкает индивида в круг привычной социальной общности, вырваться из которой могут лишь особо сильные личности. Если вернуться к лауреатам Нобелевской премии, то Гао Синцзянь и Лю Сяобо пожертвовали привычной общинной оценкой, в то время как Мо Янь вполне уютно ощущает себя в общинной ментальности.

Мо Янь

ЧЕЛОВЕК, РАССКАЗЫВАЮЩИЙ ИСТОРИИ

Нобелевская лекция

Уважаемые члены Шведской академии, дамы и господа!

С помощью телевидения или Интернета, я хотел бы всем вам, присутствующим здесь рассказать немного о далекой северо-восточной деревне Гаоми. Вы, может быть, увидите моего 90-летнего почтенного отца, увидите моих старших брата и сестру, мою жену и дочь, и мою внучку, которой год и четыре месяца. Но есть та, о ком я в этот миг думаю больше всего, моя мать, вы никогда не сможете её увидеть. После получения премии, многие люди разделили со мной мой успех, но моя мать не сможет разделить его со мной.

Моя мама родилась в 1922 году, умерла в 1994 году. Ее прах был похоронен в персиковом саду на восточной стороне деревни. В прошлом году там должна была пройти железная дорога, мы были вынуждены перенести её могилу подальше от деревни. Раскопав могилу, мы увидели, что гроб уже сгнил, скелет матери уже смешался с землей. Мы только должны были символически выкопать немного земли, перенести в новую могилу. И с этого момента я ощутил, что моя мать стала частью земли, когда я рассказываю стоя на земле, я рассказываю это матери.

Я был младшим ребенком в семье моей матери.

Мое самое раннее воспоминание связано с единственным термосом в моей семье, с которым ходили в общественную столовую за кипятком. Из-за голода, слабости я уронил термос и разбил его, я был напуган до смерти, зарывшись в стог сена, целый день не решался выйти. Вечером я услышал, что мать зовет меня по моему

детскому имени. Я выбрался из стога сена, думая, что меня будут бить, ругать, но мать не била и не ругала меня, только гладила по голове и долго вздыхала.

Мое самое мучительное воспоминание о том, как мы с мамой пошли собирать колосья на коллективном поле. Пришли охранники, люди, собиравшие колосья разбежались, у моей мамы ноги были маленькие, бежала медленно, её задержали, один высокий охранник залепил её пощечину. Она покачнулась и упала на землю. Охранники забрали собранные нами колосья, посвистывая, спокойно ушли. У мамы изо рта текла кровь, она сидела на земле, я никогда не забуду выражения отчаяния на её лице. Много лет спустя, когда тот охранник стал седым стариком, я встретил его на рынке, я бросился найти его и отомстить, мама удержала меня, спокойно сказала: «Сынок, тот человек, который бил меня и этот старик, совсем разные люди».

Больше всего я помню один полдень в праздник Середины осени. В нашей семье слепили пельмени, что было редко, каждому только по одной миске. Когда мы ели пельмени, старый попрошайка подошел к порогу нашего дома. Я отложил полмиски сушеного сладкого картофеля и отдал ему, но он рассержено произнес: "Я старый человек, вы едите пельмени, а мне даёте сушёный картофель, что же у вас за сердца?" Я раздраженно сказал: «Мы за год не едим и несколько раз пельменей, каждому по одной маленькой миске, даже наполовину не наешься! Дали тебе сушёный картофель и то неплохо, хочешь, ешь, а не хочешь, то катись!» Мать отчитала меня, а потом половину пельменей из своей миски, насыпала в миску старика.

Но больше всего я сожалею о том случае, когда мы с мамой пошли продавать капусту. Вольно или невольно одному пожилому человеку, покупавшему капусту, я насчитал на 1 мао больше. Подсчитав деньги, я пошел в школу. Когда я вернулся домой из школы, то увидел что мама, которая редко плакала, вся в слезах. Мать не ругала меня, только тихонько сказала: «Сын, ты позволил матери потерять лицо».

Когда я был подростком, моя мать страдала от серьезного заболевания легких. Голод, болезни, усталость заставляли нашу семью терпеть страдания, мы не видели света и надежды. У меня возникло такое зловещее чувство, что мама в любой момент может покончить жизнь самоубийством. Каждый раз, когда я возвращался с работы, войдя в дверь, громко окликал маму, услышав ее ответ, у меня словно камень с души снимался. Если я какое-то время не слышал ее голоса,

меня охватывал страх, я бежал во флигель и на мельницу искать её. Однажды, обыскав все комнаты, я не увидел маму. Я сидел во дворе и громко плакал. В это время мать с вязанкой дров вошла во двор. Она была очень недовольна тем, что я плакал, но я не мог сказать ей о своих страхах. Мама увидела, что у меня на душе, она сказала: «Сынок, не волнуйся, хотя я живу совсем без радости, но пока Ян Ван не позовет меня, я не могу уйти».

Я родился с уродливой внешностью, многие жители деревни, увидев меня, смеялись, и несколько задиристых учеников в школе из-за этого побили меня. Я вернулся домой, горько рыдая. Мама сказала мне: "Сынок, ты не уродливый. У тебя, что не хватает носа, нет глаз, руки ноги на месте, в чем уродливость? К тому же, если у тебя доброе сердце, ты делаешь много добрых дел, то даже уродливый может стать красивым". Потом я уехал в город. Когда некоторые очень культурные люди все еще за моей спиной и даже прямо в лицо потешались над моей внешностью, то я вспоминал слова матери, и со спокойным сердцем прощал их.

Моя мать была неграмотной, но очень уважала грамотных людей. Жизнь нашей семьи была трудной, часто недоедали, но как только мне нужно было купить книги и канцелярские принадлежности, она всегда мне это покупала. Она была трудолюбивой, не терпела ленивых детей, но если я из-за учебы не успевал сделать работу, она никогда не критиковала меня.

Однажды на рынок пришел сказитель. Я тайком убежал слушать книгу, забыв о том, что она велела мне сделать. За это мать отчитала меня. Вечером, когда при свете маленькой керосиновой лампы она шила для семьи одежду из хлопка, я не выдержал и пересказал для неё услышанную от сказителя историю. Сначала она была немного раздраженной, потому что, по её представлениям, у сказителей был язык без костей, они были бездельниками, из их уст нельзя было услышать ничего хорошего. Но рассказываемая мной история постепенно увлекла её. Потом каждый рыночный день, она больше не давала мне работу, молчаливо позволив мне идти слушать книги. В благодарность за доброту матери и чтобы похвастаться перед ней своей памятью, я услышанные в течение дня истории во всех красках пересказывал для неё.

Вскоре мне уже было мало пересказывать истории сказителей. В процессе пересказа я непрерывно что-то добавлял и преувеличи-

вал. Я мог там, где это нравилось маме, переделать сюжет, а иногда даже изменить развязку истории. Моим слушателем была не только моя мама, и моя старшая сестра, моя тетя, моя бабушка – все стали моими слушателями. Дослушав мою историю, моя мама иногда обеспокоено, то ли мне, то ли размышляя вслух говорила: «Сынок, кем ты станешь, когда вырастешь? Неужели ты сможешь прокормиться бойким языком?»

Я понимал озабоченность матери, потому что в деревне разговорчивый ребенок всем надоедает, а иногда и создает проблемы для себя и своей семьи. В повести «Вол» я описал такого ребенка, который вызывает отвращение у людей в деревне своей болтовней, в этом отражение моего детства. Моя мама всегда напоминала мне, чтобы я меньше говорил, она хотела, чтобы я был тихим, спокойным и щедрым ребенком. Но хотя мои явно сильные способности и огромное желание говорить – это, несомненно, была большая опасность, но мои способности рассказывать истории при этом доставляли ей удовольствие, что вызвало у неё глубокое противоречие. Как говорится «легко изменить страну, трудно изменить характер». Несмотря на серьезные наставления моих родителей, я не избавился от моей природной склонности говорить, что делает мое имя «Мо Янь» – «не говори», достаточно ироничным.

Не закончив начальной школы, я прервал учебу. Так как я был юным и слабым, то не мог выполнять тяжелой работы, мог на пустыре в сорной траве пасти коров и овец. Когда я со стадом проходил мимо ворот школы и видел, как мои прежние одноклассники шумят на школьном дворе, мое сердце переполняла печаль, я глубоко осознавал боль человека – пускай даже ребенка – после того, как он покинул коллектив. Придя на пустырь, я отпускал коров и овец, позволяя им самим пастись. Голубое небо, как море, бескрайний луг, вокруг никого не видно, не слышны голоса людей, только птицы поют в небе. Я чувствовал себя очень одиноким, было очень тоскливо, в сердце пустота. Иногда я лежал на траве, глядя, как по небу лениво плывут белые облака, в моей голове возникало множество непостижимых фантазий. В наших местах распространено множество историй о лисах, которые превращаются в красавиц. Я фантазировал о том, чтобы появилась лиса, которая, превратившись в красавицу, будет вместе со мной пасти коров, но она все не появлялась. [...]

Для писателя, лучший способ говорить – это писать. Все что я должен сказать, вы можете найти в моих работах. Сказанное уносится ветром, а написанное – вечно.

Я бы хотел, чтобы у вас хватило терпения прочитать мои книги. Я не могу заставить вас это сделать, но даже если такое произойдет, думаю, ваше мнение обо мне не сильно изменится. Не родился еще тот писатель, которого любили бы все читатели, особенно в такие времена как наши.

Вообще-то, я предпочел бы ничего не говорить, но уж раз сейчас я должен это делать, позвольте мне напомнить, что я рассказчик и поэтому расскажу вам несколько историй.

Лет пятьдесят назад, когда я учился в третьем классе, школа организовала экскурсию на выставку страдания, где все мы во главе с нашим учителем плакали горькими слезами. Для удовольствия учителя я даже не вытирал слез. Некоторые из моих одноклассников, плюнув на ладонь, смачивали щеки, изображая слезы. Но среди всех нас плачущих (кто по-настоящему, кто притворяясь) был один мальчик, чье лицо было сухо. Он молчал и не закрывал лица – он просто смотрел на нас широко открытыми глазами с выражением то ли удивления, то ли смущения. После экскурсии я сообщил о нем учителю, и мальчик был наказан. Годы спустя, когда я сказал учителю, что сожалею о своем доносе на мальчика, учитель сказал, что по крайней мере десять моих одноклассников сделали тогда тоже, что и я. Мальчик умер лет десять назад, но моя совесть до сих пор не дает мне покоя, когда я вспоминаю о нем. Этот случай научил меня: когда все вокруг плачут, ты имеешь право не плакать, но когда слезы у всех показные, твое право значительно возрастает.

Вот еще одна история: более тридцати лет назад я служил в армии. Однажды вечером я сидел в канцелярии и читал, когда открылась дверь и вошел пожилой офицер. Он взглянул на стоявший передо мной стул и пробормотал: "Хм, где все?" Я встал и громко сказал: "Вы хотите сказать, что я никто?" Уши старика покраснели от смущения, и он вышел. После этого я долго гордился своей дерзостью. Правда, годы спустя, эта гордость превратилась в угрызения совести.

Наберитесь, пожалуйста, терпения еще на одну – последнюю историю, которую мой дед рассказал мне много лет назад. Восемь сельских каменщиков укрылась от урагана в полуразрушенном храме. Снаружи гремел гром и сверкала молния. Вдруг послыша-

лись крики дракона. Люди пришли в ужас и побледнели. Один из них сказал “Кто-то из нас, наверное, обидел небеса страшным грехом. Этот человек должен выйти из храма, чтобы принять наказание и избавить от страданий невинных”. Естественно, такого не нашлось. Тогда другой предложил: “Раз никто не хочет выходить, давайте бросим наши соломенные шляпы к двери. Тот, чья шляпа вылетит за дверь и есть этот грешник, и мы попросим его выйти из храма и принять наказание”. Все согласились и бросили свои шляпы к двери. Семь шляп упали на пол, а одна вылетела. Они начали уговаривать этого человека выйти и принять наказание, но он отказывался. Тогда они схватили его и стали выталкивать вон. Бьюсь об заклад, вы все знаете, чем заканчивается эта история: не успели они вытолкнуть его, как стены храма рухнули на них.

Я рассказчик.

Рассказывая истории, я заработал Нобелевскую премию по литературе.

Много интересных историй произошло со мной до того как я получил эту премию, и они убедили меня, что правда и справедливость торжествуют.

Поэтому я продолжу рассказывать свои истории и в будущем.

Спасибо всем.
